

Е.К.Березина

Андское сообщество — Евразийский экономический союз: есть ли перспективы?

В статье на основе междисциплинарного подхода рассмотрен интеграционный опыт Андского сообщества (*Comunidad Andina, CAN*) в контексте его отношений с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). За период своего существования *CAN* не раз претерпевало внутренний кризис и реформирование институциональной модели, но сумело преуспеть в создании зоны свободной торговли и усилить внерегиональные связи. Инициативы сообщества и разветвленная институциональная структура во многом свидетельствуют об укреплении социально-экономического сотрудничества стран в области поддержки бизнеса, академического сообщества и коренных народов. *CAN* представляет интерес в контексте развития трансрегионального взаимодействия между ним и ЕАЭС. Обе структуры заинтересованы в обмене опытом и практиками в сфере интеграционного развития. По оценке автора, ключевыми задачами для *CAN* и ЕАЭС должны стать не только имплементация подписанных документов, но и постоянное поддержание диалога в рамках формальных институциональных механизмов, определение взаимовыгодных направлений сотрудничества.

Ключевые слова: субрегиональная экономическая интеграция, конкурентоспособность, зона свободной торговли, институциональное сотрудничество, трансрегионализм.

DOI: 10.31857/S0044748X0017753-7

Статья поступила в редакцию 05.12.2022.

В латиноамериканском регионе накоплен богатый опыт интеграционного развития. Главным консолидирующим институтом андского субрегиона Латинской Америки является *CAN* — одна из старейших интеграционных

Елизавета Константиновна Березина — ведущий специалист Центра международной проектной деятельности, Директор проекта Сектора международных обменов и сотрудничества Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РФ, 197376 Санкт-Петербург, Песочная наб., 4, berezina.elizaveta.95@mail.ru, berezina-ek@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7887-8361>).

группировок в регионе. Оно обладает уникальной институциональной структурой, построенной по принципу наднациональности, где представлены интересы всех слоев населения; большое значение придается сохранению коренных народов и развитию андской идентичности. Страны, входящие в *CAN*, придерживаются принципов либерализации и свободной торговли, что обусловлено наличием разветвленной сети партнерских отношений по всему миру, включая государства Европейского союза, США, Китай. Тем не менее в отечественной и зарубежной литературе неоднократно подчеркивается, что в *CAN* происходит кризис, особенно сильно проявившийся в 90-х годах XX в., несмотря на попытки участников организации запустить новые интеграционные инициативы и реформировать ее. В настоящее время страны *CAN* заинтересованы в сотрудничестве с ЕАЭС. В связи с этим необходимо определить, существуют ли реальные предпосылки или перспективы для сотрудничества между ЕАЭС и *CAN*. С этой целью в данной работе применялись методы сравнительного анализа моделей и институциональных механизмов региональных интеграционных группировок, методы анализа документов и контент-анализа.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПУТИ АНДСКОГО СООБЩЕСТВА

Региональные организации, созданные в рамках Латинской и Карибской Америки (ЛКА), как правило, классифицируют по двум основным критериям: по типу организационной структуры (выделяя при этом механизмы региональной интеграции и региональные банки развития) и по направлению интеграции (группы, направленные на торговое или политическое сотрудничество). Механизмы региональной интеграции представляют собой объединения стран, расположенных недалеко друг от друга и имеющих ряд общих экономических и политических целей. Наиболее заметными инициативами в этой категории являются Общий рынок стран Южного конуса (*Mercado Común del Sur, Mercosur*), Система интеграции Центральной Америки (*Sistema de la Integración Centroamericana, SICA*), *CAN*, Карибское сообщество (*Caribbean Community, CARICOM*) и Тихоокеанский альянс (*Alianza del Pacífico, AP*) [1, p. 12].

Субрегиональной интеграции в ЛКА посвящено довольно много работ, в том числе и российских ученых. Так, П.П.Яковлев, оценивая международное сотрудничество стран ЛКА, ввел понятие «дипломатия интеграций» [2]. Д.В.Разумовский, исследуя особенности *CAN*, указал, что возврат группировки к формату зоны свободной торговли (ЗСТ) был обусловлен динамикой внутрирегиональной торговли, уровень которой был ниже, чем динамика внешнезональной торговли [3, с.12]. З.В.Ивановский выявил особенности интеграционной модели *CAN* по сравнению с *Mercosur* и *CARICOM* [4]. Зарубежные специалисты Джина Э.Акоста Рохас [5], Пия Риджироцци [6], Маркус Винициус Чилиатто-Леите [7] выявили тенденции развития латиноамериканского регионализма и их влияние на деятельность интеграционных группировок, тогда как Каролина Бланко Альварардо [8] и Джанин Агирре Очоа [9] исследовали причины кризиса *CAN*.

В работе А.А.Лавут подчеркиваются открытый характер экономик андских стран и их стремление к диверсификации рынков, в том числе и к установлению связей с ЕАЭС [10, с. 33]. В свою очередь В.М.Давыдов указал, что диверсификация отношений стран *CAN* обусловлена не только экономическими, но и политическими факторами, в частности, стремлением противостоять усилению их зависимости от США [11, с. 142]. В коллективной работе под редакцией В.Л.Хейфеца кратко упомянуты преимущества межрегионального экономического взаимодействия ЕАЭС со странами ЛКА [12], в то же время недостаточно внимания уделено сотрудничеству ЕАЭС с *CAN*.

Создание *CAN* * (до 1997 г. — Андская группа) было связано с подписанием Картахенского договора в 1969 г. Согласно этому документу, основными целями интеграции являются: продвижение сбалансированного и гармоничного развития стран-членов на условиях справедливости и социально-экономического сотрудничества; ускорение роста и создание рабочих мест; содействие участию в процессе региональной интеграции с целью постепенного формирования общего латиноамериканского рынка [13]. В основе деятельности институциональных структур *CAN* лежит принцип наднациональности по типу Евросоюза, что делает группировку более устойчивой в реализации своих полномочий, в отличие от межправительственной институциональной модели *Mercosur* [4, с. 15]. Возникшее в период «закрытого регионализма» *CAN* действовало в условиях политики протекционизма и стратегии импортозамещения промышленности, пытаясь преодолеть препятствия для развития малых рынков и содействовать изменениям в производстве товаров, а также повысить общую экономическую эффективность [14, р. 2]. В то же время негативные эффекты (политический национализм и экономический протекционизм, снижение конкуренции) привели к постепенной трансформации интеграционной модели.

Начал действовать «открытый» регионализм, отражавший меняющуюся глобальную и региональную экономику, а также новые геополитические реалии периода окончания холодной войны. Его повестка определялась вопросами торговли и инвестиций [6, р. 6], ставилась задача «врастания в мировое рыночное пространство» [15, с. 20]. Реалии и тенденции «открытого» регионализма коснулись и *CAN*, принявшего новую неолиберальную модель на встрече в Галапагосе в 1989 г. Согласно данной модели, предполагалось устранение тарифов, формирование зоны свободной торговли (была создана в 1992—1993 гг.***) и программа либерализации [5, с. 47]. Была либерализована взаимная торговля телекоммуникационными, транспортными, туристическими, энергетическими и частично финансовыми услугами. Сложился общий инвестиционный режим, было введено понятие Андской транснациональной компании [16, с. 59]. В 1994—1996 гг. *CAN* приняло попытку принятия единого внешнего тарифа, однако формирование таможенного союза шло довольно тяжело ввиду большого количества товаров-исключений.

* На сегодняшний день в *CAN* входят Боливия, Колумбия, Перу и Эквадор.

** Перу присоединилась к ЗСТ только в 1997 г.

Некоторые институциональные реформы привели к трансформации Андского пакта в *CAN* и формированию Андской системы интеграции [17, сс. 42-43]. Общая концепция «открытого регионализма», преобладавшая в 1990-х годах, уступила место новому латиноамериканскому региональному порядку, отличному от панамериканского прошлого и давшему старт ряду новых региональных и субрегиональных инициатив по содействию экономическому и политическому сближению между странами [7, с. 35]. В 2011 г. на встрече в Лиме президенты Боливии, Колумбии, Эквадора и Перу высказали намерение укрепить и придать новый импульс андскому интеграционному процессу.

По мнению П.П.Яковлева, начало «левого поворота», связанного с преодолением негативных последствий неолиберальных реформ 1990-х годов, поставило в повестку дня ряда новых правительств стратегическую задачу доказать возможность обеспечения сочетания экономического роста и социального прогресса [18, сс. 78-79]. Среди участников *CAN* были как государства, придерживавшиеся курса на сближение с Северной Америкой, в первую очередь с США, так и страны левоцентристской направленности, которые ориентировались на построение национального государства с сохранением своей идентичности. Это создавало конфликт между участниками *CAN* в отношении моделей интеграционного развития. Факт подписания Колумбией и Перу соглашения о свободной торговле с США спровоцировал возражения Боливии, Венесуэлы и Эквадора, кризис в деятельности группировки и выход из нее Венесуэлы, присоединившейся к *Mercosur* [4, с. 18]. Кризис 2007 г. привел к тому, что *CAN* от формата таможенного союза вернулось к формату ЗСТ [9, с. 27].

Более заметны были успехи сообщества в институциональном развитии. Созданная за годы существования группировки наднациональная институциональная структура является наиболее разветвленной и продвинутой среди всех интеграционных объединений на континенте. Андская система интеграции включает в себя институты в области финансов, образования, здравоохранения, а также представляет интересы предпринимателей, профсоюзов, индейских народов, муниципальных властей [19]. Данная система превратилась в важный фактор межгосударственного сотрудничества стран-членов [11, с. 134]. Кроме того, заметные успехи были достигнуты в социальной сфере. Так, например, действуют Андская миграционная карта, Андский инструмент социального страхования, Андский инструмент медицинского страхования по защите прав работающих мигрантов [16, с. 59]. Страны *CAN* проводят общую политику в таких сферах, как защита прав интеллектуальной собственности, сельское хозяйство, государственные закупки и др. С 2005 г. в *CAN* действует безвизовый режим, а в 2001—2006 г. был введен паспорт единого образца [20, с. 157].

По мнению колумбийской исследовательницы К.Бланко Альварадо, в основе кризиса андского интеграционного процесса лежали не столько экономические сколько политико-правовые причины, связанные с неготовностью участников *CAN* к функционированию в условиях андской интеграции [8, с. 6]. К.Бланко Альварадо утверждает, что появление *CAN* выявило «отсутствие участия гражданского общества», что привело к кризису легитимности андского интеграционного процесса [8, с. 7]. Существует

также точка зрения, что фактором децентрализации является сам Андский парламент, поэтому необходимо перейти к избранию депутатов прямым голосованием, учитывая различные конституционные и политические особенности стран, входящих в *CAN* [21, с. 355]. На фрагментацию *CAN*, ставшую одной из причин создания Тихоокеанского альянса (*Alianza del Pacífico, AP*), указывает мексиканская исследовательница Ана Ванесса Карденас Санатта [22, с. 106]. Преимуществом *AP* по сравнению с *CAN* стала гибкая организационная структура, опирающаяся на министерские встречи и дипломатию президентских саммитов, ограничившая политическую кооперацию координацией и развитием общих соглашений между странами-членами [22, с. 106]. Тем не менее *AP* был образован не в противовес *CAN*, а скорее с учетом новых трендов в мировой экономике и центров силы, ориентированных на Азиатско-тихоокеанский регион (АТР).

В то же время, несмотря на существующие проблемы и кризис, *CAN* продолжает функционировать и развивать внерегиональное сотрудничество, одним из направлений которого становится ЕАЭС. Интерес *CAN* к ЕАЭС обусловлен стремлением обменяться опытом в поисках оптимальных решений актуальных экономических и социальных задач, возникших в связи с пандемией *COVID-19*, а также в деле изучения практического опыта ЕАЭС в сфере промышленности, энергетики и агропромышленном комплексе, включая цифровые технологии.

ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ *CAN* С ЕАЭС

С геополитической и геоэкономической точки зрения государства ЛКА не относятся к числу приоритетов внешней политике стран ЕАЭС. В то же время сегодня отношения регионов начинают развиваться по восходящей линии, что обусловлено глобальными тенденциями в мировой политике. После распада СССР в 1991 г. Москва попыталась переформулировать свое видение ЛКА, начав с полного безразличия к происходившим там экономическим и политическим процессам. Но уже в конце 1990-х годов российский министр иностранных дел Е.М.Примаков (1996—1998 гг.) впервые заявил, что отношения с ЛКА являются частью новой независимой внешней политики страны [23, р. 523].

На сегодняшний день на фоне стремительно разворачивающегося геополитического противостояния Москвы с Западом можно говорить о постепенном возврате России в латиноамериканский регион, в том числе, и о ее ориентации на всестороннюю модернизацию, кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик государств ЕАЭС в условиях глобальной экономики. Латинская Америка все больше консолидируется как пространство стратегического интереса в формировании многополярного мира [24, сс. 70-71]. Тем не менее даже сейчас страны ЛКА в значительной степени выглядят не как приоритет, а как зона периферийного интереса и для Москвы [23, р. 523], и для ЕАЭС.

Колумбийский политолог и специалист в области международных отношений В.Рувинский отмечает, что Россия столкнулась в ЛКА с огромной конкуренцией со стороны Китая. Российским фирмам не хватает мощно-

стей и финансирования, а более крупные компании (включая государственные корпорации) не выработали соответствующие стратегии [25, р. 4]. Американский ученый Роджер Канет поясняет, что в рамках российского подхода ЕАЭС представляет собой средство интеграции и модернизации экономики постсоветских государств, чтобы те могли более эффективно конкурировать в мировой экономике, тогда как большинство западных аналитиков видят Евразийский союз прежде всего как политический инструмент для восстановления контроля Москвы над постсоветскими территориями и населением [26, р. 14]. Доминирование России в ЕАЭС очевидно, и Москва в условиях геополитической турбулентности намерена продолжать использовать союз в качестве внешнеэкономического инструмента на международной арене.

В перспективе на 2023 г. ЕАЭС нацелен на развитие механизмов сотрудничества в рамках существующих договоренностей с ведущими латиноамериканскими региональными интеграционными и межгосударственными объединениями, а также на углубление торгово-экономического сотрудничества и поддержание диалога с отдельными странами (Аргентинская Республика, Республика Перу, Республика Эквадор, Республика Чили) [27]. В этом контексте П.П.Яковлев и применяет термин «дипломатия интеграций», означающий укрепление не только уже существующих дееспособных объединительных институтов и механизмов, но и создание новых форматов и инструментов торгово-экономического взаимодействия [2, с. 99]. Одним из преимуществ межрегионального экономического взаимодействия ЕАЭС с латиноамериканским регионом является взаимодополняемый характер экономик [12, сс. 13-14]. Сотрудничество ЕАЭС и ЛКА строится в форматах «регион — регион» и «страна — регион» [12, сс. 13-14] на основе концепции трансрегионализма [28, с. 55]. На сегодняшний день действуют двусторонние договоренности о сотрудничестве между ЕАЭС и Чили, Перу, Эквадором, Аргентиной, Кубой (в форме Меморандумов о взаимопонимании).

Среди латиноамериканских региональных интеграционных группировок, проявляющих интерес к деятельности ЕАЭС [29], можно отметить и *CAN*. Инициативы по взаимодействию России с *CAN*, как отмечает российский ученый В.М.Давыдов, были предприняты еще в 2000-х годах, когда были подписаны Протокол о намерениях между Андским предпринимательским консультативным советом и Национальным комитетом содействия экономическому сотрудничеству со странами Латинской Америки, а также Протокол о создании Механизма политического диалога и сотрудничества между *CAN* и Россией (2001 г.) [11, сс. 141-142]. На сегодняшний день заключены договоренности между ЕАЭС и *CAN* (2017 г.), Латиноамериканской экономической системой (*Sistema Económica Latinoamericana, SELA*) (2018 г.), *Mercosur* (2018) г., *AP* (2019 г.), *SICA* (2021 г.). С точки зрения правовой формы договоренности представляют собой меморандумы о взаимопонимании, за исключением декларации о партнерстве с *AP*.

Несмотря на наличие принятых меморандумов о сотрудничестве, на сегодняшний день серьезных успехов сотрудничества между ЕАЭС и *CAN* пока не достигнуто. В период до 2022 г., в соответствии в Меморандумом о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и *Mercosur*, был со-

здан Совместный комитет по торгово-экономическому сотрудничеству, а также была принята Программа сотрудничества ЕЭК и Генерального секретариата *CAN* по вопросам конкурентной политики и правоприменения [27]. В ходе проведения встречи на тему «Региональная интеграция как средство реализации Целей устойчивого развития: опыт ЕАЭС» генеральный секретарь *CAN* Хорхе Эрнандо Педраса отметил, что повестка в области устойчивого развития на период до 2030 г. в условиях пандемии *COVID-19* требует гораздо более твердой приверженности двустороннему, региональному и многостороннему сотрудничеству для достижения экономического подъема и реализации мер, позволяющих противостоять сложной социальной ситуации, которая существует во всем мире [30].

В августе 2022 г. президент Боливии Луис Арсе (2020 — н/в) предложил XXII Президентскому совету *CAN* дорожную карту из десяти пунктов, которая должна позволить блоку расширить возможности для диалога с остальными региональными, европейскими и азиатскими группами. Речь идет, в частности, о расширении торговых соглашений с ЕАЭС в дополнение к тем, которые уже заключены на двусторонней основе с некоторыми латиноамериканскими странами [31].

В марте 2017 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Генеральным секретариатом *CAN*. Меморандумы о взаимопонимании или сотрудничестве стал первым шагом к созданию платформ для обмена мнениями и передовым опытом, обеспечивая механизмы постоянного сотрудничества с перспективой более глубоких форм кооперации, включая соглашения о свободной торговле [1, с. 17]. Заключение подобных меморандумов подразумевает развитие «мягкого» права, т.е. норм, носящих рекомендательный характер [28, с. 50]. Меморандум направлен на содействие всестороннему сотрудничеству, а также предусматривает обмен информацией и опытом в области региональной экономической интеграции [32]. По данным Евразийской экономической комиссии, в 2020 г. товарооборот ЕАЭС с *CAN* составил 2,5 млрд долл., в том числе экспорт — 608,9 млн долл. и импорт — 1 891,4 млн долл. [33]. По сравнению с 2020 г. итоги с января по август 2021 г. свидетельствуют о существенном подъеме показателей торговли между ЕАЭС и *CAN*. За восемь месяцев 2021 г. товарооборот увеличился на 25,3% (до 2 047,7 млн долл.), в том числе экспорт ЕАЭС — на 74,4% (до 671,7 млн долл.), импорт — на 10,2% (до 1 376,1 млн долл.) [33]*.

В ходе Петербургского международного экономического форума-2022 член коллегии по интеграции и макроэкономике ЕЭК С.Ю.Глазьев справедливо оценивал экономический эффект от торгово-экономического сотрудничества ЕАЭС с латиноамериканским регионом как недостаточный. В условиях роста конфронтации со странами Запада, по словам Глазьева, необходимо продолжать укреплять сотрудничество между ЕАЭС и странами Нового Света в целях преодоления торговых барьеров, которые возникли в условиях санкционной политики. Глазьев также поставил вопрос о переходе на новую валютную систему товарных расчетов, о создании но-

* Данных о товарообороте за 2022 г. автору найти не удалось.

вой торгово-экономической архитектуры, ядром которой гипотетически могло бы стать объединение БРИКС [34].

В 2021 г. была принята Программа сотрудничества Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и Генерального секретариата *CAN* по вопросам конкурентной политики и правоприменения. Впервые такая программа была принята в отношении именно *CAN*; ни в *Mercosur*, ни в иных интеграционных группах ЛКА она не действует. Основное содержание документа направлено на реализацию сотрудничества между ЕАЭС и *CAN* через различные механизмы взаимодействия, в том числе институциональные (постоянную рабочую группу), обмен информацией и опытом, проведение консультаций в области конкурентной политики. Одним из направлений сотрудничества ЕАЭС и *CAN* является проведение образовательных программ, стажировок и тренингов [35]. Как отмечает член Коллегии по конкуренции и антимонопольному регулированию ЕЭК А.А.Шаккалиев, в рамках утвержденной программы взаимный интерес могут представлять такие вопросы, как отмена роуминга и регулирования цифровых рынков [36]. Однако, в отличие от контактов с *Mercosur*, где предусмотрен институциональный механизм (Совместный комитет по торгово-экономическому сотрудничеству с ЕАЭС), в отношениях *CAN* и ЕАЭС пока существует только постоянная рабочая группа.

Одним из ключевых результатов сотрудничества ЕАЭС и *CAN* стало проведение в октябре 2021 г. первого семинара «ЕАЭС — Андское сообщество». На нем С.Глазьев подчеркнул, что ЕАЭС «ценит возможность обмениваться практиками с такой старейшей региональной структурой, как Андское сообщество, которое прошло долгий путь интеграционного строительства» [33]. По оценке Глазьева, основными мерами в области сотрудничества ЕАЭС и *CAN* должны стать следующие: выработка единой экономической политики; координация реализации интеграционных проектов; гармонизация законодательства государств-членов; осуществление контроля за применением права сообщества и его единая интерпретация. В ходе семинара был обсужден ряд вопросов, посвященных мерам противодействия негативным экономическим последствиям пандемии *COVID-19*, использованию цифровых решений в различных сферах экономической активности и др. [33]. ЕАЭС интересен опыт *CAN* в таких областях, как использование и взаимное признание электронной цифровой подписи, практическое применение информационных баз данных государств-членов на взаимной основе, прослеживание движения товаров на внутреннем рынке, устранение барьеров в процессе перемещения граждан по территории сообщества, а также решение проблемы роуминга, природоохранная деятельность и регулирование в сфере экологии [37].

На сегодняшний день в России не выработана конкретная официальная стратегия по взаимодействию со странами ЛКА, но в таких документах, как, например, Стратегия национальной безопасности РФ от 2015 г., подчеркивается, что Россия развивает политическое, торгово-экономическое, военно-техническое сотрудничество, взаимодействие в области безопасности, а также гуманитарные и образовательные контакты с государствами Латинской Америки и их региональными объединениями [38]. Концепция внешней политики РФ (редакция от 2016 г.) направлена на расширение со-

трудничества с многосторонними объединениями и интеграционными структурами Латинской Америки и Карибского бассейна [39], но *CAN* там не упоминается.

В документе «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции ЕАЭС до 2025», напротив, упомянуто углубление сотрудничества с *CAN* и рядом других интеграционных группировок (*Mercosur* и *AP*), в том числе посредством организации совместных бизнес-форумов с целью оказания содействия деловым кругам в установлении прямых контактов и обмена опытом для более эффективного внутреннего развития и углубления экономического сотрудничества [40]. В документе говорится и про развитие взаимодействия с Экономической комиссией ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) в рамках соответствующих меморандумов [40]. Кроме того, опыт *CAN* может быть интересен с точки зрения анализа возможных интеграционных рисков в различных сферах, а также при институциональном совершенствовании ЕАЭС, что предусмотрено Стратегией-2025 [41].

По мнению генерального директора и члена Президиума Российского совета по международным делам (РСМД) А.В.Кортунова, концепция «Большого евразийского партнерства» может быть реализована и в других регионах мира, в том числе и в странах Южной Америки, в частности, в ходе решения таких общечеловеческих проблем, как борьба с изменением климата, с пандемиями, обеспечение продовольственной и энергетической безопасности, управление миграционными процессами [42]. Так, на первом семинаре *CAN* и ЕАЭС затрагивалась роль интеграционных объединений в контексте осуществления глобальных инициатив, включая Большое Евразийское партнерство и концепцию «Один пояс, один путь». Тем не менее на сегодняшний день речь идет не о полноценном присоединении *CAN* к «Большому евразийскому партнерству», а, скорее, об обмене опытом по осуществлению международной деятельности и выработке новых направлений для обмена интеграционными практиками [43].

Появление *CAN* в период «закрытого» регионализма было обусловлено стремлением обеспечить гармоничное развитие стран субрегиона, повышение их конкурентоспособности и развитие национального производства. Сообщество прошло долгий путь реформирования, претерпело серьезный кризис на пути к созданию таможенного союза ввиду разногласий по поводу вектора развития и отсутствием государства — «локомотива» интеграционной группировки. Выход Венесуэлы из объединения также его ослабил. Страны *CAN*, с одной стороны, решили отойти от модели создания полноценного таможенного союза, усилив двусторонние связи с внерегиональными партнерами на основе формата ЗСТ, а с другой стороны, стали источником пополнения других региональных организаций, в частности, *Mercosur* и *AP*. Тем не менее *CAN* добилось продвижения андской идентичности и в целом той модели интеграционного развития, которая наиболее приемлема для ее участников.

Усиление внерегиональных связей *CAN* с такими группировками, как ЕАЭС, во многом обусловлено стремлением к повышению конкурентоспособности стран-участниц и дальнейшему функционированию самого *CAN*.

Эта субрегиональная группа накопила большой опыт в сфере интеграционного строительства и выхода из кризисных ситуаций, что представляет интерес для ЕАЭС, особенно в эпоху пандемии *COVID-19* и преодоления ее последствий.

В связи с географической удаленностью и усложнившейся на сегодняшний день торгово-логистической системой сотрудничество ЕАЭС и *CAN* скорее всего будет ограничено Меморандумом о взаимопонимании и вряд ли продвинется до уровня заключения ЗСТ. Наличие нетарифных барьеров также сдерживает углубление контактов.

В целях повышения эффективности сотрудничества ЕАЭС с *CAN* необходимы не только практическое воплощение содержания документов о взаимодействии, но и выработка обоюдовыгодных направлений сотрудничества, в том числе и постоянное поддержание диалога в рамках существующих институциональных механизмов.

В постковидную эпоху реальными и перспективными направлениями сотрудничества ЕАЭС и *CAN* могут стать вопросы инклюзии, цифровые технологии в экономике, научно-техническое развитие, образование, фармацевтика. Взаимодействие с *CAN* укрепит позиции ЕАЭС в области продвижения таких инструментов «мягкой силы», как образование и наука. Кроме того, ЕАЭС может быть полезен опыт, накопленный *CAN* в сфере институционального развития и правовой интеграции. В более отдаленной перспективе *CAN* мог бы подключиться к инициативам «Большого евразийского партнерства» в области решения глобальных экономических и социальных вопросов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Economic Commission for Latin American and the Caribbean/Eurasian Economic Commission (ECLAC/EEC), The Eurasian Economic Union & Latin America and the Caribbean: A Transcontinental Partnership (LC/MEX/TS.2021/8/Rev.1). Mexico City, 2021, 113 p.
2. Яковлев П.П. Интеграция в Латинской Америке: центростремительные и центробежные тренды. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, М., 2017, 10(4), сс. 86-100. [Yakovlev P.P. Integraciya v Latinskoj Amerike: centrostremitel'nye i centrobezhnye trendy [Integration in Latin America: centripetal and centrifugal trends]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*. Moscow, 2017, vol.10, N 4, pp. 86–100 (In Russ.).
3. Разумовский Д.В. Интеграция в Южной Америке на старте века: инициативы, трудности, достижения. *Латинская Америка*, М., 2011, № 4, сс.10–25. [Razumovskij D. Integraciya v Yuzhnoj Amerike na starte veka: iniciativy, trudnosti, dostizheniya [Integration in South America at the start of the century: initiatives, difficulties, achievements]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2011, N 4, pp. 10-25. (In Russ.).
4. Ивановский З.В., Лавут А.А (ред.). Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы. Москва, ИЛА РАН, 2012, 120 с. [Ivanovskij Z.V., Lavut A.A. (ed). Integracionnye processy v Latinskoj Amerike: sostoyanie i perspektivy [Integration processes in Latin America: state and prospects]. Moscow, ILA RAN, 2012, 120 p. (In Russ.).
5. Gina E. Acosta Rojas, Germán Calfat y Renato G. Flóres jun. Comercio e infraestructura en la Comunidad Andina. *Revista de la CEPAL*, 2006. N 90, pp.45-60. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/11136/090045060_es.pdf?sequence=1&isAlloWed=y (accessed 08.04.2022).
6. Riggiozzi P. Region, regionness and regionalism in Latin America: Towards a new synthesis. Latin American Trade Network Working Paper 130, 2010, 17 p. Available at: https://redlatn.flacso.org.ar/wp-content/uploads/2014/09/WP_130_RegionRegionness_Riggiozzi.pdf (accessed 08.04.2022).

7. Marcos Vinicius Chiliatto-Leite. Integración constreñida en América Latina: análisis a partir de una visión centro-periferia en el siglo XXI. *Revista CEPAL*, 2021, N 133, pp. 33-35.
8. Blanco A.C. La crisis de la Comunidad Andina. *Revista de Derecho*, 2014, N 42, pp.1-32. Available at: <https://rcientificas.uninorte.edu.co/index.php/derecho/article/view/6788/6284> (accessed 08.04.2022).
9. Ochoa J. A., Morales M. A. P., & Payán S. M. D. La Comunidad Andina: un paradigma de Integración Económica en Latinoamérica. *REICE: Revista Electrónica de Investigación en Ciencias Económicas*, 2014, Vol. 2, N 3, pp.1-27. Available at: <https://www.lamjol.info/index.php/REICE/article/view/1447> (accessed 08.04.2022).
10. Лавут А.А. Транстихоокеанское партнерство, Дональд Трамп и латиноамериканская интеграция. *Латинская Америка*, М., 2017, № 9, сс.19–35. [Lavut A.A. Trans-tikhookeanskoye partnerstvo, Donald Tramp i latinoamerikanskaya integratsiya [Trans-Pacific partnership, Donald Trump and Latin American integration]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2017, N 9, pp. 19–35 (In Russ.).
11. Давыдов В.М. (ред.). Латинская Америка в современной мировой политике. Москва, Наука, 2009, 581 с. [Davydov V.M. Latinskaya Amerika v sovremennoj mirovoj politike [Latin America in the modern world politics]. Moscow, Nauka, 2009, 581 p. (In Russ.).
12. Хейфец В.Л. (ред.). От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений. Москва, Политическая энциклопедия, 2018, 494 с. [Jeifets V.L. (ed). Ot bipolyarnogo k mnogopolyarnomu miru: latinoamerikanskij vektor mezhdunarodnyh otnoshenij [From Bipolar to Multipolar World: Latin American Vector of International Relations]. Moscow, Politicheskaya enciklopediya, 2018, 494 p. (In Russ.).
13. Acuerdo de intergracion subregional andino (Acuerdo de Cartagena), 1969. Available at: <http://www.comunidadandina.org/acuerdocartagena.pdf> (accessed 08.04.2022).
14. Sanahuja J.A. Post-Liberal Regionalism in South America: the case of Unasur. European University Institute, Robert Schuman Centre for Advanced Studies. Global Governance Programme – 13, 2012, N 5, 31 p. Available at: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/20394/RSCAS_2012_05.pdf?sequence (accessed 08.04.2022).
15. Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Фактор торговли в глобальных и региональных международных отношениях (режимный и институциональный подходы). СПб, ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019, 288 с. [Kosov Yu.V., Toropygin A.V. Faktor trgovli v global'nyh i regional'nyh mezhdunarodnyh otnosheniyah (rezhimnyj i institucional'nyj podhody). [Trade Factor in the Global and Regional International Relations (regime and institutional approaches)]. SPb, IPC SZIU RANHiGS, 2019, 288 p. (In Russ.).
16. Костюнина Г.М. Интеграционные процессы в Латинской Америке как фактор содействия внешней торговле. *Российский внешнеэкономический вестник*, Москва, 2018, №4, сс. 51-67. [Kostyunina G.M., Kozolova O.A. Integratsionnyye protsessy v Latinskoy Amerike kak faktor sodeystviya vneshney trgovle [Integration in Latin America as a factor for foreign trade promotion]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*, Moscow, 2018, N 4, pp. 51- 67 (In Russ.).
17. Рафалюк Е.Е. Региональная интеграция латиноамериканских государств: природа, содержание, разрешение споров. Москва, ИНФРА-М, 2016, 247 с. [Rafalyuk E.E. Regional'naya integraciya latinoamerikanskih gosudarstv: priroda, sodержание, razreshenie sporov [Regional integration of Latin American states: nature, content, dispute resolution: monograph]. Moscow, INFRA-M, 2016, 247 p. (In Russ.).
18. Яковлев П.П. Государство и общество в Латинской Америке: история и современность. *Перспективы. Электронный журнал*. Москва, 2015, № 3, сс. 63-82. [Yakovlev P.P. Gosudarstvo i obshchestvo v Latinskoy Amerike: istoriya i sovremennost' [State and Society in Latin America: then and now]. *Perspektivy. Elektronnyj zhurnal*, Moscow, 2015, N 3, pp. 63-82. (In Russ.). Available at: http://www.perspektivy.info/rus/gos/gosudarstvo_i_obshhestvo_v_latinskoj_amerike_istorija_i_sovremennost_2014-02-28.htm (accessed 08.04.2022).
19. Sistema Andino de Integración SAI. Available at: <http://www.comunidadandina.org/quienes-somos/sistema-andino-de-integracion-sai/> (accessed 08.04.2021).
20. Стрежнева М.С. Транснациональные политические пространства: явление и практика. Москва, Весь Мир, 2011, 376 с. [Strezhneva M.S. Transnacional'nye politicheskie prostanstva: yavlenie i praktika [Transnational Political Space: New Realities of International Development]. Moscow, Ves' Mir, 2011, 376 p. (In Russ.).

21. Carrión F. Procesos de descentralización en la Comunidad Andina. Quito, Ecuador: FLACSO, Sede: Organización de Estados Americanos, 2003, 426 p. Available at: <https://biblio.flacsoandes.edu.ec/libros/digital/45113.pdf> (accessed 08.04.2022).
22. Arévalo O.V. (ed). La Alianza del Pacífico y su impacto bilateral. Lima, 2020, 270 p.
23. Jeifets V.L. Dreaming on Latin America: Reflections on Russian Diplomacy in the Region. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, М., 2020, 20 (30), сс. 521-533. *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*, Moscow, 2020, Vol. 20, N 3, pp. 521-533.
24. Мосейкин Ю.Н. La cooperación económica y comercial entre Rusia y América Latina. Moscow, RUDN, 2013, 224 p.
25. Rouvinski V. Russian-Venezuelan Relations at a Crossroads. 2019. Available at: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/russia-venezuela_report_rouvinski_final.pdf (accessed 07.04.2022).
26. Kanet R.E. The failed Western challenge to Russia's revival in Eurasia? *International politics*, 2015, Vol. 52, N 2, 21 p. Available at: <https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/102030/TheFailedWesternChallengeToRussia39sRevivalInEurasia.pdf?sequence=1> (accessed 06.04.2022).
27. Решение ВЭС от 9 декабря 2022 года N 17 «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2023 год». [Reshenie VEES № 17 ot 09.12.2022 "Ob Osnovnyh napravleniyah mezhdunarodnoj deyatel'nosti Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza na 2023 god"] [Decision of the SEEC No. 17 of December 9, 2022 "On the Main Directions of the International Activities of the Eurasian Economic Union for 2023"]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1300254773> (accessed 12.12.2022) (In Russ.).
28. Березина Е.К., Торопыгин А.В. ЕАЭС расширяет международное сотрудничество: направление — Латинская Америка. *Управленческое консультирование*, СПб., 2021, № 3, сс. 43-57. [Berezina E.K., Toropygin A.V. EAES rasshiryayet mezhdunarodnoe sotrudnichestvo: napravlenie — Latinskaya Amerika [EAEU Expands International Cooperation: Latin American Trend]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, Saint Petersburg, 2021, N 3, pp. 43-57 (In Russ.).
29. Евразийская экономическая комиссия подпишет меморандум с Андским сообществом, ТАСС, 23.01.2017. [Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya podpiset memorandum s Andskim soobshchestvom [Eurasian Economic Commission will sign a memorandum with the Andean Community]. TASS, 23.01.2017. Available at: <http://tass.ru/ekonomika/3965426> (accessed 24.11.21) (In Russ.).
30. La Comunidad Andina está atravesando un excelente momento. Jorge Hernando Pedraza, La libertad, 14.07.2021. Available: <https://diariolalibertad.com/sitio/2021/07/14/la-comunidad-andina-esta-atravesando-un-excelente-momento-jorge-hernando-pedraza/> (accessed 27.09.2022).
31. Presidente plantea a la CAN acercamiento al Mercosur, la Unión Europea y la comunidad Euroasiática. Agencia Boliviana de Información, 29.08.2022. Available at: <https://www.abi.bo/index.php/noticias/politica/26286-presidente-plantea-a-la-can-acercamiento-al-mercotur-la-union-europea-y-la-comunidad-euroasiatica> (accessed 27.11.2022).
32. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Генеральным секретариатом Андского сообщества [Memorandum o vzaimoponimanii mezhdru Evrazijskoj ekonomicheskoy komissiej i General'nym sekretariatom Andskogo soobshchestva [Memorandum of Understanding between the Eurasian Economic Commission and the General Secretariat of the Andean Community], 2017. Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413500/ms_29032017 (accessed 22.11.2021) (In Russ.).
33. ЕАЭС и Андское сообщество договорились об углублении сотрудничества. Евразийская экономическая комиссия, 26.01.2021 [EAES i Andskoe soobshchestvo dogovorilis' ob uglublenii sotrudnichestva [The EAEU and the Andean Community agreed to deepen cooperation]. Eurasian Economic Commission, 26.10.2021. Available at: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-andskoe-soobshchestvo-dogovorilis-ob-uglublenii-sotrudnichestva/> (accessed 22.11.2021) (In Russ.).
34. ПМЭФ-2022: выработаны конкретные предложения по стимулированию торгово-инвестиционного сотрудничества ЕАЭС и Латинской Америки в условиях новой экономической реальности. Евразийская экономическая комиссия, 17.06.2022 [PMEF-2022: vyrabotany konkretnye predlozheniya po stimulirovaniyu torgovo-investicionnogo sotrudnichestva EAES i Latinskoj Ameriki v usloviyah novej ekonomicheskoy real'nosti

[SPIEF-2022: specific proposals have been developed to stimulate trade and investment cooperation between the EAEU and Latin America in the context of the new economic reality]. Eurasian Economic Commission, 17.06.2022 (In Russ.). Available at: https://eec.eaeunion.org/news/pmef-2022-vyrabotany-konkretnye-predlozheniya-po-stimulirovaniyu-torgovo-investitsionnogo-sotrudnich/?sphrase_id=154780 (accessed 27.09.2022).

35. Программа сотрудничества Евразийской экономической комиссии и Генерального секретариата Андского сообщества по вопросам конкурентной политики и правоприменения [Programma sotrudnichestva Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii i General'nogo sekretariata Andskogo soobshchestva po voprosam konkurentnoj politiki i pravoprimereniya [Cooperation Program of the Eurasian Economic Commission and the General Secretariat of the Andean Community on Competition Policy and Law Enforcement]. 2021. Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01430428/ms_10112021 (accessed 24.11.2021) (In Russ.).

36. «Сильные-вместе». Евразийская экономическая комиссия, 13.12.2021 [“Sil'nye-vmeste” [“Strong-Together”]. Eurasian Economic Commission, 13.12.2021. Available at: https://eec.eaeunion.org/news/speech/silnye--vmeste/?sphrase_id=93063 (accessed 15.04.2022) (In Russ.).

37. ЕАЭС и Андское сообщество договорились об углублении сотрудничества, ТКС.RU, 27.10.2021 [AES i Andskoe soobshchestvo dogovorilis' ob uglublenii sotrudnichestva [The EAEU and the Andean Community agreed to deepen cooperation]. TKS.RU, 27.10.2021. Available at: <https://www.tks.ru/news/nearby/2021/10/27/0002> (accessed 27.09.2022) (In Russ.).

38. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" [Ukaz Prezidenta RF ot 31 dekabrya 2015 g. N 683 "O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii" [Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 N 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1581846/ (accessed 05.04.2022) (In Russ.).

39. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.). [Konceptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V.Putinym 30 noyabrya 2016 g.) [Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on November 30, 2016)]. (In Russ.). Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (accessed 08.04.2022).

40. Решение ВЕЭС № 12 от 11.12.2020 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции ЕАЭС до 2025». [Reshenie VEES № 12 ot 11.12.2020 «O Strategicheskikh napravleniyah razvitiya evrazijskoj ekonomicheskoy integracii EAES do 2025» [Decision of the SEEC No. 12 of December 11, 2020 "On the Strategic Directions for the Development of the Eurasian Economic Integration of the EAEU until 2025"]. Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (accessed 05.04.2022) (In Russ.).

41. Практические результаты и новые горизонты евразийской интеграции. Евразийская экономическая комиссия, 02.12.2021 [Prakticheskie rezul'taty i novye gorizonty evrazijskoj integracii [Practical results and new horizons of Eurasian integration]. Eurasian Economic Commission, 02.12.2021. Available at: https://eec.eaeunion.org/news/speech/prakticheskie-rezultaty-i-novye-gorizonty-evraziyskoj-integracii/?sphrase_id=93457 (accessed 18.04.2022) (In Russ.).

42. Кортунов А. Восемь принципов Большого евразийского партнерства. Российский совет по международным делам (РСМД), 25.09.2020 [Kortunov A. Vosem' principov Bol'shogo evrazijskogo partnyorstva [Eight principles of the “Great Eurasian Partnership”]. Russian International Affairs Council (RIAC), 25.09.2020. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/> (accessed 18.04.2022) (In Russ.).

43. ЕАЭС и Андское сообщество договорились об углублении сотрудничества. Альта-Софт, 27.10.2021 [EAES i Andskoe soobshchestvo dogovorilis' ob uglublenii sotrudnichestva [EAEU and Andean Community agreed to deepen cooperation], Alta-soft, 27.10.2021. Available at: https://www.alta.ru/ts_news/84418/ (accessed 27.11.2022) (In Russ.).

Elizaveta K. Berezina (berezina-ek@ranepa.ru; berezina.elizaveta.95@mail.ru)

Senior specialist of the Center for international project activities, Director of project of the Section for International Exchanges and Cooperation under the Department of International Cooperation of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, North-West Institute of Management (NWIM RANEPА)

Pesochnaya emb. 4, 197376 Saint Petersburg, Russian Federation

Andean community – Eurasian Economic Union: are there any prospects?

Abstract. The article examines the integration experience of the Andean Community (CAN) in the context of its relationship with the Eurasian Economic Union (EAEU), basing on the interdisciplinary approach. During the period of its existence, the Andean Community has repeatedly undergone a state of internal crisis and reforming of the institutional model, but managed to succeed in creating a Free Trade Area and strengthen extra-regional ties. Its initiatives and extensive institutional structure largely testify to the strengthening of socio-economic cooperation between countries in the field of supporting business, the academic community and indigenous peoples. CAN is of interest in the context of the development of trans-regional interaction between it and the EAEU. Both structures show mutual interest in the exchange of practices and experience in the sphere of integration development. According to the author, the key task for CAN and the EAEU should be not only the implementation of the signed documents on cooperation, but also the constant maintenance of a dialogue within the framework of formal institutional mechanisms, the identification of mutually beneficial areas of cooperation.

Key words: subregional economic integration, competitiveness, free trade zone, institutional cooperation, transregionalism.

DOI: 10.31857/S0044748X0017753-7

Received 05.12.2022.